

Проблемы сотрудничества Прикаспийских стран: инвестиционный и правовой аспекты

Зембатова Б. В.¹, Яковлев И. А.¹

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, Москва, Россия

Цель. Обосновать объективную необходимость правового регулирования взаимодействия Прикаспийских государств по освоению ресурсов Каспия как исходного, основополагающего начала, сбалансированного по интересам экономического сотрудничества.

Задачи. Разработать исходные позиции анализа состояния экономического сотрудничества стран «каспийской пятерки», нормативных правовых актов, принятых Прикаспийскими государствами и призванных регулировать взаимодействие на Каспии; осуществить анализ влияния действующего правового регулятора взаимоотношений на возможность, характер, направления сотрудничества Прикаспийских государств в инвестиционной сфере и ключевых отраслях (энергетической, торговой, транспортной, иных).

Методология. С помощью общих методов научного познания в различных аспектах обоснованы подходы к анализу правовых основ прикаспийского экономического сотрудничества, выявлены ключевые проблемы регулирования прав стран «каспийской пятерки» как собственников Каспия и предложены ведущие направления их разрешения.

Результаты. Анализ положений нормативных правовых актов, регулирующих взаимодействие стран «каспийской пятерки» по использованию Каспия и его ресурсов в контексте текущего этапа развития отношений между ними, выявил в качестве основной причины формирования экономических проблем сотрудничества Прикаспийских государств неопределенность правового статуса Каспия. Выявление проблемы обусловило выбор подходов к формированию основ правового регулирования взаимодействия Прикаспийских государств и их применение при установлении содержания понятий «Каспий как объект права», «правовой статус Каспия», а также принципов формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия, предложенных в качестве главных элементов отсутствующих основ правового регулирования сотрудничества Прикаспийских государств — собственников Каспийского моря и его ресурсов.

Выводы. Установление правового статуса Каспия стало одной из основных целей и одновременно одной из проблем при взаимодействии Прикаспийских государств в инвестиционной сфере, энергетике, торговле, транспортной инфраструктуре со времени их объединения в «пятерку» собственников Каспия, не разрешенных и до настоящего времени.

Ключевые слова: Каспийский регион, внутрорегиональные инвестиции, Каспий как объект права, правовой статус Каспия, страны «каспийской пятерки» как собственники Каспия и его ресурсов, принципы формирования правового регулятора отношений по поводу владения, использования и распоряжения Каспием.

Для цитирования: Зембатова Б. В., Яковлев И. А. Проблемы сотрудничества Прикаспийских стран: инвестиционный и правовой аспекты // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 10. С. 1080–1091. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1080-1091>

Problems of Cooperation between the Caspian States: Investment and Legal Aspects

Zembatova B. V.¹, Yakovlev I. A.¹

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

Aim. The presented study aims to substantiate the objective need for legal regulation of interaction between the Caspian states in the development of Caspian resources as a starting point for balanced economic cooperation.

Tasks. The authors develop baselines for analyzing the state of economic cooperation between the Caspian Five countries, laws and regulations adopted by the Caspian states to regulate interaction in the Caspian Sea; analyze the impact of the current legal regulator of relations on the possibility, nature, and directions of cooperation between the Caspian states in the investment sphere and key sectors (energy, trade, transport, etc.).

Methods. This study uses general scientific methods of cognition in various aspects to substantiate approaches to analyzing the legal framework of Caspian economic cooperation, identify key problems of regulating the rights of the Caspian Five states as owners of the Caspian Sea, and propose major directions for solving these problems.

Results. Analysis of laws and regulations governing the interaction between the Caspian Five states in the usage of the Caspian Sea and its resources in the context of the current stage of development of their relations shows the uncertainty of the legal status of the Caspian Sea to be the main reason for economic problems in the cooperation between the Caspian states. The identified problems determine the selection of approaches to the formation of the fundamentals of legal regulation of interaction between the Caspian states and their application to determining the content of such concepts as “the Caspian Sea as an object of law”, “legal status of the Caspian Sea”, and the principles of formation of norms regulating the legal status of the Caspian Sea serving as the main missing elements of the legal framework of cooperation between the Caspian states – the owners of the Caspian Sea and its resources.

Conclusions. Establishing the legal status of the Caspian Sea has become one of the main goals and at the same time a major problem of interaction between the Caspian states in the investment sphere, energy, trade, and transport infrastructure since their unification into the five co-owners of the Caspian Sea. This problem has not been resolved to this day.

Keywords: *Caspian region, intraregional investment, Caspian Sea as an object of law, legal status of the Caspian Sea, Caspian Five states as the owners of the Caspian Sea and its resources, principles of establishing a legal regulator of relations associated with the ownership, usage, and disposal of the Caspian Sea.*

For citation: Zembatova B.V., Yakovlev I.A. Problems of Cooperation between the Caspian States: Investment and Legal Aspects. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(10):1080-1091 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1080-1091>

Введение

Крушение СССР обусловило появление в Каспийском регионе новых государств — независимых «игроков», в частности Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, претендующих на равных с Россией и Ираном участвовать в использовании ресурсов Каспийского моря. Значительные различия целей взаимодействия новых прибрежных государств Каспия, продиктованные не сопрягаемыми друг с другом интересами, не могут исключить взаимозависимость Прикаспийских стран в использовании ресурсов Каспия, что обуславливает объективную неизбежность формирования обоснованных и принятых всеми пятью государствами единых правил взаимодействия.

Формирование правовых основ взаимодействия Прикаспийских государств как исходное, основополагающее начало сбалансированного по интересам сотрудничества связано прежде всего с правовым статусом Каспия. Именно установление этого статуса стало одной из главных целей и одновременно одной из проблем взаимодействия Прикаспийских государств со времени их объединения в «пятерку» собственников Каспия, не разрешенных и до настоящего времени. Попытки решить проблему правового статуса Каспия предпринимались на протяжении более 22 лет: состоялось пять саммитов, заключены двусторонние соглашения между Прикаспийскими государствами о разделе дна и недр Каспия, в 2018 г. принята Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

Анализ официальных материалов, содержащих сведения о взаимодействии Прикаспийских государств, показал, что в установлении направлений решения названной проблемы по преимуществу участвовали политологи, руководители и представители соответствующих министерств и ведомств пяти Прикаспийских государств, частных компаний, занимающихся разработкой месторождений нефти и газа на Каспии, а также представители внерегиональных государств, международных организаций и частных нефтегазовых компаний. Соответственно, исследований правовых оснований взаимодействия не осуществлялось, и как следствие — основные нормативные акты, принятые Прикаспийскими государствами за указанный период, не стали необходимым и достаточным правовым основанием взаимодействия Прикаспийских государств по освоению Каспия.

В статье изложены результаты анализа неопределенности правового статуса Каспия как главной причины формирования экономических проблем взаимодействия стран «каспийской пятерки»; обоснованы подходы к изучению правового аспекта проблем взаимодействия Прикаспийских государств, использованные при анализе принятых Прикаспийскими государствами основных правовых нормативных актов, декларируемых намерений и действий по освоению ресурсов Каспия; предложены элементы основ правового статуса Каспия (содержание ключевых правовых понятий, принципы формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия).

Динамика некоторых компонент индекса глобальной конкурентоспособности, место в рейтинге

Страны	Развитие финансового рынка			Защита прав инвесторов		
	2010–2011	2014–2015	2017–2018	2010–2011	2014–2015	2017–2018
Азербайджан	71	89	79	20	22	31
Иран	120	128	128	127	117	126
Казахстан	117	98	114	45	22	3
Россия	125	110	107	77	98	51

Источник: Strength of investor protection; 8th pillar: Financial market development [2; 3].

Общая оценка инвестиционной ситуации в странах «каспийской пятерки»

Инвестиции являются важнейшим каналом развития внутрирегионального сотрудничества. Четкие правила и обоснованное регулирование способствуют развитию инвестиционных отношений, поддерживают взаимные инвестиции между странами. Стоит предположить, что при отсутствии ясности в регулировании важнейших сфер сотрудничества между странами «каспийской пятерки» возникнут трудности, связанные с развитием внутрирегиональных инвестиций.

Толкование сложностей современного этапа инвестиционного взаимодействия Прикаспийских стран начнем с рассмотрения ряда показателей, формирующих индекс глобальной конкурентоспособности, раскрываемых в Отчете о глобальной конкурентоспособности [1] (далее — Отчет) Всемирного экономического форума (World Economic Forum, WEF). Индекс глобальной конкурентоспособности указывает на низкий уровень развития финансового рынка в Прикаспийских странах. В первую сотню из числа рассматриваемых стран вошел только Азербайджан (79-е место в 2017–2018 гг.). Россия, Казахстан и Иран не смогли войти в 2010–2018 гг. в первую сотню стран мира (всего 137 стран). Туркменистан не включен составителями индекса глобальной конкурентоспособности в его расчет.

Изучение отдельных компонент индекса позволяет детализировать факторы, влияющие на инвестиционную ситуацию в странах. Обратим внимание на два параметра: развитие финансового рынка и защита прав инвесторов. Развитие финансового рынка — одна из ключевых компонент индекса глобальной конкурентоспособности. Эта компонента представляет собой оценку глубины финансового рынка (доступность кредитов, акций, долговых и страховых инструментов), определяет его стабильность: смягчение чрезмерного риска и ситуационно обусловленное поведение финансовой системы. Защита прав инвесторов — один из элементов такой компоненты индекса глобальной конкурентоспособности («Институты»). Такой показатель характеризует прозрачность опе-

раций, ответственность членов правления за свои действия, возможность подачи иска от акционеров в отношении должностных лиц и членов правления за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

В таблице 1 представлена информация об изменении ранга Прикаспийских стран в аспекте этих двух показателей, входящих в состав индекса (1-е место — наилучший результат, 137-е место — наихудший результат).

Россия и Казахстан демонстрируют улучшение рейтинга в аспекте обоих из указанных показателей, особенно в отношении защиты прав инвесторов. В Азербайджане наблюдается некоторое ухудшение ситуации по обоим изучаемым параметрам, но эта страна является лидером среди анализируемых стран. В Иране ситуация стабильная, без изменений в сторону улучшения. При этом Иран находится в нижней части рейтингов. В целом можно заключить, что финансовые рынки стран «каспийской пятерки» недостаточно развиты. Вместе с тем ситуация защиты прав инвесторов не представляется сложной. И если первый показатель указывает на ограниченные способности стран для привлечения в первую очередь портфельных инвестиций, то второй — на то, что ситуация с точки зрения защиты интересов инвесторов для портфельных и прямых инвесторов не критична.

Характеризуя прямые иностранные инвестиции, следует принять во внимание, что объем внутрирегиональных прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) незначителен в сравнении с общим объемом ПИИ и составляет около 2 % от общей величины [4]. Распределение прямых иностранных инвестиций внутри Прикаспийских стран представлено в таблице 2.

Информация, приведенная в таблице 2, указывает на то, что ни одна из рассматриваемых стран не является ключевым инвестором для другой страны, но анализ данных позволяет выделить инвестиционные потоки между Ираном и Азербайджаном, а также Россией и Казахстаном. Во-первых, ПИИ Ирана в экономику Азербайджана достигли 9 % всех поступивших ПИИ в Азербайджан за 2010–2018 гг. Во-вторых, в 2010–2018 гг. более 6 % своих

Государства как основные получатели инвестиций и основные инвесторы для Прикаспийских стран в 2009, 2018 гг. (первые пять стран-партнеров)

Прямые инвестиции в страну				Прямые инвестиции за границу			
2009	% к итогу	2018	% к итогу	2009	% к итогу	2018	% к итогу
Азербайджан							
Турция	20,54	Великобритания	22,35	Турция	48,76	Турция	51,91
Норвегия	20,23	Турция	19,29	Грузия	45,47	Грузия	13,93
Иран	10,25	Норвегия	9,90	Нидерланды	12,23	Великобритания	6,21
Великобритания	9,89	Иран	8,40	Объединенные Арабские Эмираты	11,34	Швейцария	4,48
Италия	7,13	Кипр	6,42	Германия	7,38	Россия	3,01
Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00
Казахстан							
Нидерланды	35,35	Нидерланды	42,43	Нидерланды	36,42	Нидерланды	65,50
США	16,36	США	20,96	Россия	13,89	Великобритания	20,13
Франция	7,10	Франция	8,87	Британские Виргинские острова	10,44	Россия	7,86
Британские Виргинские острова	5,09	Китай	5,55	США	9,29	Багамы	4,73
Великобритания	3,88	Япония	3,96	Турция	8,40	Каймановы острова	3,60
Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00
Россия							
Кипр	34,30	Кипр	30,84	Кипр	39,60	Кипр	50,09
Британские Виргинские острова	9,66	Нидерланды	9,84	Британские Виргинские острова	11,01	Нидерланды	11,74
Нидерланды	8,87	Багамы	9,53	Нидерланды	8,13	Австрия	7,76
Бермудские острова	7,18	Бермудские острова	7,28	Люксембург	4,90	Швейцария	5,16
Багамы	4,93	Люксембург	4,77	Гибралтар	3,82	Британские Виргинские острова	3,28
Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00	Всего инвестиций	100,00

Источник: [4; 5].

ПИИ Казахстан направил в Россию. Одновременно Россия инвестировала в экономику Казахстана не более 3 % своих ПИИ.

Данные таблицы 2 раскрывают инвестиционные приоритеты Прикаспийских стран в 2009, 2018 гг. Приведенные сведения указывают на слабый интерес стран к взаимному сотрудничеству в инвестиционной сфере как в 2009 г., так и спустя десять лет, т. е. в 2018 г. В число территорий, в которые предпочитают инвестировать национальные бизнес-структуры или из которых они преимущественно получают инвестиции для развития национальных проектов, Прикаспийские страны не входят. Выделяются две страны: Россия, вошедшая в число приоритетных стран направления инвестиций для Азербайджана и Казахстана, и Азербайджан, для которого инвестиции Ирана значимы. Наблюдается снижение приоритета и Ирана — ключевого

инвестора для Азербайджана, и России — страны размещения ПИИ Казахстана. Но по итогам 2018 г. Россия вошла в пятерку стран-лидеров по исходящим ПИИ Азербайджана. Вполне обоснован вывод о том, что сегодня устойчивые инвестиционные потоки между странами еще не сформировались.

Ключевые проблемы взаимодействия: правовой аспект рассмотрения

Более чем двадцатилетний период взаимодействия Прикаспийских государств пока не привел к пониманию объективной необходимости разработки прежде всего правовых оснований такого взаимодействия, а проблемы освоения ресурсов Каспия не стали предметом надлежащего совместного, свободного от политического заказа, комплексного анализа юристов и экономистов Прикаспийских госу-

дарств. Но, если в начале новейшей истории освоения Каспия и до заключения Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. [6] (далее — Конвенция 2018 г.) доминировало устойчивое убеждение, что проблему взаимодействия Прикаспийских государств можно решить без реального, а не декларируемого, правового регулирования, то уже через год после подписания Конвенции 2018 г. (на первом Каспийском экономическом форуме, прошедшем в Туркмени в 2019 г., на встрече глав кабинетов министров пяти Каспийских государств вопрос о реализации положений Конвенции 2018 г. не был включен в повестку дня и даже не упоминался ни в одном из выступлений) стало ясно следующее:

- существующие и формирующиеся в первую очередь экономические проблемы взаимодействия Прикаспийских государств по освоению Каспия не могут быть решены без реального правового механизма, регулирующего такое взаимодействие;
- основные нормативные правовые акты, принятые Прикаспийскими государствами за более чем двадцатилетний период (двусторонние Соглашения между Прикаспийскими государствами о разделе дна и недр Каспия [7; 8; 9] и Конвенция 2018 г.), не стали необходимым и достаточным правовым основанием взаимодействия Прикаспийских государств по освоению Каспия. Они не создали надлежащих оснований для решения главных текущих проблем сотрудничества, первая среди которых — проблема деления дна и недр Каспия.

Попытки разрешить названные проблемы, предпринимаемые на протяжении более двадцати лет, не привели к устранению противоречий между Прикаспийскими государствами, а правовая реальность уже после заключения Конвенции 2018 г. показала нерешенность ни одного практического вопроса, связанного с правовым статусом Каспия. Основными практическими проблемами взаимодействия Прикаспийских государств на Каспии являются проблемы сотрудничества в энергетической сфере (разведке и добыче углеводородов, газа, иных ресурсов Каспия), в сфере транспортной инфраструктуры, строительства газо- и нефтепроводов, рыбного промысла, сохранения биоресурсов, баланса экосистемы Каспия в целом, создание безопасных условий судоходства. В энергетической сфере остаются неразрешенными вопросы деления дна и недр Каспия, а эксплуатация многих из находящихся в разработке нефтяных и газовых месторождений служит предметом ожесточенных споров и даже конфликтов.

Правовой нигилизм как первопричина нерешенности проблемы правового статуса Каспия

Формирование экономических проблем взаимодействия Прикаспийских государств — прямое следствие отсутствия надлежащего реального правового регулятора. Именно реальный, а не декларируемый правовой механизм признан основой экономического взаимодействия, что подтверждается официально провозглашаемым стремлением Прикаспийских государств к правовой обоснованности взаимодействия и правовым нигилизмом при реальном взаимодействии с одной стороны и безуспешностью любых попыток осуществлять взаимодействие по Каспию между собой и с внерегиональными участниками такого взаимодействия на псевдоправовых основаниях — с другой.

Анализ многочисленных документов, принятых по результатам официальных встреч глав Прикаспийских государств, саммитов глав государств в рамках подготовки Конвенции 2018 г., информационных сообщений о намерениях и действиях Прикаспийских государств на уровне глав или отдельных их представителей по взаимодействию на Каспии, позволяет прийти к заключению о том, что правовой нигилизм проявлялся и проявляется в причудливом соединении неуважения Прикаспийских государств к праву в целом и использованию права для оправдания — объяснения противоправных действий каждого государства по отношению к другим при решении вопросов использования ресурсов Каспия по разным направлениям. При этом правовой нигилизм, обеспечивший вытеснение реального правового основания взаимодействия, допускало каждое государство «прикаспийской пятерки». Отличия выражались только в лидерстве, объеме и глубине допускаемых взаимных нарушений прав, что подтверждается известными фактами, свидетельствующими о взаимных противоправных действиях Прикаспийских государств, сопровождаемых надрызной риторикой о важности непреложности следования нормам международного права и взаимными обвинениями в их нарушении.

Начало противоправным действиям положил Азербайджан. Несмотря на факт существования правовых основ регулирования отношений между Прикаспийскими государствами, т. е. международных договоров между Россией и Ираном 1921 и 1940 гг. [10; 11], действие которых в соответствии с международным правом не утратило силу, поскольку оба государства, заключившие названные Договоры, продолжали оставаться субъектами международного права и не расторгли их, Азербайджан в одностороннем порядке не признал их таковыми и

без согласования с остальными государствами поспешил предпринять действия, не основанные на праве. В сентябре 1994 г. Азербайджан заключил известный «контракт века» (контракт между Азербайджаном и одиннадцатью крупными нефтяными компаниями западных стран от 20 сентября 1994 г.). В 1995 г. в новой Конституции страны (ч. 2 ст. 11) закрепил следующее положение: водная толща, дно и воздушное пространство в пределах азербайджанского сектора Каспия — собственность Азербайджанской Республики [12].

В реальной последовательности официальных действий Азербайджана отражена их противоправность: сначала без согласования с сособственниками Каспия устанавливается так называемый сектор Каспия, т. е. в одностороннем порядке устанавливается собственность на совершенно определенную часть общей собственности дна, недр, воды и воздушного пространства Каспия. Затем совершенное противоправное действие становится основой для заключения международных соглашений, предполагающих распоряжение Азербайджаном общей собственностью без согласия остальных сособственников и, соответственно, передачу в пользование не сособственников общей собственности без согласия сособственников. Впоследствии все эти противоправные действия закрепляются в Конституции Азербайджана.

После всех указанных противоправных действий Азербайджан пытается объяснить — оправдать свои действия аргументами о том, что статус Каспия, закрепленный в российско-иранских договорах, узок для регулирования современных отношений Прикаспийских государств по использованию Каспия, поскольку устанавливает правила судоходства и рыболовства, не охватывая своими положениями вопросы разделения дна и недр Каспия. Очевидно, что приводимые Азербайджаном аргументы ни объяснить, ни оправдать его действия по нарушению прав остальных сособственников Каспия не могут. Но следует признать, что Россия с учетом отсутствия твердой позиции по каспийской проблеме и ввиду этого непоследовательными действиями в определенной степени давала Азербайджану свободу нарушать права и интересы других Прикаспийских стран. Так, еще до подписания «контракта века» (29 ноября 1993 г.) Азербайджан и Россия на межправительственном уровне подписывают соглашение, по которому российская нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» участвует в разработке шельфовых месторождений Азербайджана в «азербайджанском секторе Каспийского моря», как и закреплено в тексте соглашения.

Азербайджан, заключая «контракт века», пренебрегал спорностью отдельных месторож-

дений. В частности, проект АЧГ (Азери — Чираг — Гюнешли) спорный: его оспаривали Туркмения и Иран. Даже названия месторождений двойные: Азери, Чираг, Капяз, Шарг (по-азербайджански) и Хазар, Осман, Сердар, Алтын Асыр (по-туркменски). Азери (Хазар), согласно утверждению Сапармурата Ниязова, в сентябре 1997 г. принадлежали Туркмении [13]. Между тем оно уже находилось в разработке Азербайджанской Международной операционной компании (АМОК). Азербайджан продолжал выкачивать нефть из спорного месторождения Азери. Туркмения же не собиралась уступать. Весной 2001 г. споры продолжились с новой силой, так как акционерами проекта АЧГ принято решение расширить работы, распространив их на Чираг и Капяз.

Туркмения не замедлила с ответом и менее чем через месяц объявила о решении заключить контракты с американскими и европейскими компаниями по освоению отдельных нефтегазовых блоков в Туркменском секторе, в том числе на месторождении Сердар (Капязе). Обе страны вынуждены были вступить в консультации. Однако эксперты в течение месяца не смогли договориться, и Туркмения объявила о намерении воспользоваться правом обращения в Международный арбитражный суд и другие международные организации с иском о незаконном использовании спорных месторождений. Поскольку Азербайджан оскорбительно прокомментировал намерение Туркмении, оценив его как «полнейшую юридическую неграмотность», Туркмения в июне 2001 г. закрыла свое посольство в Баку. Министерство иностранных дел (МИД) Туркмении обратилось к иностранным государствам с призывом не участвовать в новых проектах на спорных месторождениях и приостановить участие в прежних «до мирного и справедливого урегулирования вопроса».

Позицию, проявляющуюся в аналогичном неуважении к праву, заняли и Туркменистан, и Казахстан. Туркменистан в октябре 1993 г. принял Закон «О государственной границе Туркменистана» [14], чем в одностороннем порядке установил на Каспии границы своей двенадцатимильной территориальной зоны, соответственно, без всякого согласования с другими Прикаспийскими государствами. Можно привести немало примеров, к сожалению, иллюстрирующих противоправные действия Казахстана и Туркменистана. Однако достаточно указать на официальные заявления России, в которых дана краткая, но содержательная оценка недопустимости действий названных стран. Таковым, например, является жесткое заявление МИД в сентябре 1994 г. о несовместимости с действующим правовым режимом Каспия и ущемлением прав и интере-

сов Российской Федерации предпринимаемых настойчивых попыток Азербайджана, Казахстана, Туркменистана заключить контракты с западными корпорациями в целях освоения дна Каспийского моря, а также принятых Азербайджаном и Туркменистаном законодательных актов по присвоению обширных каспийских пространств. 6 октября 1994 г. в ООН распространен документ под названием «Позиции Российской Федерации по юридическому статусу Каспийского моря», в котором Россия выразила твердую позицию о необходимости выполнения новыми Прикаспийскими государствами положений договоров 1921 и 1940 гг.

Итак, история формирования подходов к разработке правового статуса Каспия началась с нарушения норм международного права, регулировавшего правовой статус Каспия до появления его новых собственников.

Основные подходы к разрешению проблемы формирования основ правового статуса Каспия

Правовой нигилизм означал по существу подмену надлежащего правового основания псевдоправовым, что подтверждает анализ ключевых нормативных правовых актов, принятых за более чем двадцатилетний период — двусторонних соглашений 1998, 2001, 2002 гг. и Конвенции 2018 г. В настоящей статье нет необходимости и возможности излагать осуществленный постатейный анализ положений названных правовых актов. Вполне допустимым представляется изложение обоснования исходных позиций анализа ключевых положений двусторонних соглашений 1998, 2001, 2002 гг. и Конвенции 2018 г., а также результатов этого анализа в форме заключений о соответствии данных положений сформированным объективным подходам к формированию механизма правового регулирования взаимодействия Прикаспийских стран по освоению ресурсов Каспия.

В основу предпринятого анализа положены следующие исходные позиции:

- основными положениями Конвенции 2018 г. должен быть установлен понятийный аппарат, содержащий в качестве изначальных понятия «Каспий как объект права», «правовой статус Каспия»;
- положения Конвенции 2018 г. должны соответствовать обоснованным принципам формирования правового регулятора отношений по поводу владения, использования и распоряжения Каспием как природным водным объектом, находящимся в общей долевой собственности пяти Прикаспийских государств.

Объективная необходимость установления содержания понятия «правовой статус Каспия» очевидна: Каспий, чей правовой статус должен быть официально закреплён нормами международного нормативного правового акта, является по общему признанию сложным и до сих пор не вполне определенным объектом международного права. Представляется, что основные требования к содержанию понятия «правовой статус Каспия» определяются неизблемостью и неизменностью статуса Прикаспийских государств как собственников Каспия. Именно отношения общей собственности и определяют объективную, не зависящую от воли и целей отдельных государств по освоению ресурсов Каспия необходимость сформировать систему согласованных всеми собственниками правил установления прав каждого из собственников на свою долю в праве общей собственности на Каспий.

Понятие «правовой статус Каспия» как видовое должно соответствовать правовому родовому понятию «правовой статус», юридически закрепляющему права и обязанности кого-либо или чего-либо. «Подчиненная» роль понятия «правовой статус» очевидна, поскольку содержание его определяется тем, чье положение этот статус должен закрепить. В рассматриваемом случае речь идет о правовом статусе объекта прав — Каспия. Правовой статус Каспия определяется прежде всего как статус объекта прав собственности пяти стран, часть суверенных территорий которых он омывает. При этом установить и юридически закрепить правовое положение Каспия как объекта права собственности невозможно, если ясно и четко не определить признаки Каспия как природного водного объекта. Необходимо решить вопрос о его принадлежности к морю либо озеру или же установить, что он не является ни тем, ни другим на основе норм международного права [15; 16; 17; 18].

Рассмотрение Каспия как объекта прав общей долевой собственности означает признание еще одного важного признака Каспия: его неделимости, целостности как органического единства воды, ресурсов недр, биоресурсов и воздушного пространства, поскольку в соответствии с нормами права Каспий имеет классические признаки неделимости объекта права и, согласно этому признаку, может быть объектом только общей долевой собственности. Приведенные выше два признака, неделимость Каспия как единства водных, биоресурсов, ресурсов недр и иных ресурсов, а также воздушного пространства и права общей долевой собственности на него, определяют объективно порядок пользования Каспием как установленную нормами права совокупность взаимных прав и корреспондирующих им обязанностей его собственников.

Неразрывное единство указанной цели (установление прав общей долевой собственности Прикаспийских государств на Каспий) и средств ее достижения (порядок пользования установленными правами собственности) определяет содержание понятия «правовой статус Каспия».

Итак, положения Конвенции 2018 г. должны быть представлены как совокупность правовых норм, устанавливающих *права каждого Прикаспийского государства в общей долевой собственности на Каспий* — неделимый природный объект права, а средством реализации установленных прав каждого государства как собственника должен стать установленный нормами Конвенции *порядок* пользования Прикаспийскими государствами частями Каспия, находящимися в общей долевой собственности. Назначение установления правового статуса Каспия в самом общем виде сводится к объективной необходимости юридически закрепить его положение как объекта, по поводу которого возникают права, прежде всего общей долевой собственности Прикаспийских государств.

Для реализации указанного назначения нормы Конвенции о правовом статусе Каспийского моря должны отвечать определенным требованиям-принципам:

- 1) нормы Конвенции о правовом статусе Каспийского моря должны содержать признаки, с одной стороны, отличающие Каспий от иных водных природных объектов, с другой — устанавливающие Каспий как объект права общей долевой собственности, т. е. физико-географические признаки Каспия как природного водного объекта в положениях Конвенции должны быть описанием объекта прав общей долевой собственности;
- 2) массив норм Конвенции о правовом статусе Каспийского моря должен быть сформирован исходя из неразделимого единства воды, дна, биоресурсов, ресурсов недр, воздушного пространства, т. е. единства подходов, критериев, оснований при формировании правил установления прав на доли воды, дна, ресурсов и воздушного пространства в праве общей собственности;
- 3) положения, устанавливающие доли каждого государства в праве общей собственности на ресурсы Каспия, должны быть органично связаны с положениями, закрепляющими порядок реализации установленных прав Прикаспийских государств на долю в праве общей собственности на Каспий. Объективная необходимость рассматриваемого требования определяется тем, что положение, закрепляющее право долевой собственности, не предусматривающее возможность реализации предоставляемого права, не является по существу установленным правилом.

Названные принципы, определяемые целью разработки и заключения Конвенции о правовом статусе, и определяющие правовые методы реализации этой цели, очевидно непреложны для исполнения: несоответствие указанным принципам положений Конвенции 2018 г. изначально обрекает эти положения на неисполнение и недостижение цели, ради которой и формировался правовой регулятор.

Результаты анализа основных нормативных правовых актов, призванных регулировать взаимодействие Прикаспийских государств по освоению ресурсов Каспия

Основные нормативные правовые акты, принятые Прикаспийскими государствами для регулирования отношений по освоению ресурсов Каспия (двусторонние соглашения о разделе дна и недр 1998, 2001 и 2002 гг. и положения Конвенции 2018 г.) надлежит анализировать относительно их соответствия указанным выше принципам, что и позволит выявить и объяснить причины текущих проблем взаимодействия Прикаспийских государств для обоснования направлений их эффективного решения.

Обобщенный результат указанного рассмотрения двусторонних соглашений и Конвенции 2018 г. может быть сведен к следующему заключению. Содержание понятия «правовой статус Каспия» не определено ни в понятийном аппарате, ни в преамбуле Конвенции 2018 г. Кроме того, ни на одном саммите, посвященном Каспию, ни в одном принятом документе вопрос о содержании понятия «правовой статус Каспия» не был предметом рассмотрения и обсуждения. Между тем на объективную необходимость установления содержания анализируемого понятия указывают положения Конвенции 2018 г.: взятые отдельно и в совокупности, они не устанавливают правовой статус Каспия. Относительно определения признаков Каспия как водного объекта не было и нет единства у подписавших Конвенцию пяти стран, о чем говорят и положения Конвенции 2018 г. и предыстория ее подготовки. На протяжении всего периода подготовки Конвенции 2018 г. Прикаспийские страны демонстрировали отсутствие твердых позиций по вопросу отнесения Каспия к определенному виду водного объекта страны: одни страны настаивали на том, что Каспий — это море, другие называли озером. Произвольное отнесение Каспия то к морю, то к озеру использовалось каждой из Прикаспийских стран исключительно для закрепления прав на ресурсы Каспия в одностороннем порядке по праву силы или первенства при освоении той или иной его части. Примечательно, что в Конвенции 2018 г.

вопрос о принадлежности Каспия к определенному известному виду водного объекта не решен, а морем в Конвенции 2018 г. Каспий поименован в качестве имени нарицательного.

Иными словами, установление признаков Каспия как особенного водного объекта, отличающего его от всех прочих, авторами Конвенции 2018 г. и ее подписантами обойдена, что с учетом многолетних споров по рассматриваемому вопросу говорит и о его нерешенности, и об отсутствии единства в подходах к его разрешению. Очевидно, что если принадлежность Каспия к определенному, предусмотренному физической географией или иной наукой виду водного объекта не установлена, а формирование признаков нового понятия объекта, не относящегося ни к озеру, ни к морю, не осуществлено, то непонятно, чей правовой статус надлежит устанавливать. Из анализа намерений и действий Прикаспийских государств следует, что Каспий изначально не рассматривался как объект конкретных прав Прикаспийских государств, поскольку правовой статус Каспия был не искомым, а заданным, т. е. соответствующим определенным целям. Ярким доказательством справедливости данного утверждения можно признать высказывание Г. Алиева, приведенное на сайте Caspiu.net: «Отсутствие на сегодняшний день единого международного правового статуса Каспия не должно препятствовать осуществлению прибрежными государствами своих суверенных прав на соответствующую долю моря и не может служить основанием для прекращения разработки природных ресурсов моря в уже сложившихся соответствующих секторах». Поэтому исходной цели обосновать принадлежность Каспия к определенному виду водного объекта и тем самым установить его индивидуальные признаки как объекта права собственности, а именно прав общей долевой собственности, не было.

В Конвенции 2018 отсутствуют положения, надлежащим образом устанавливающие права каждого государства на доли в общей собственности на ресурсы Каспия, что обусловило возможность провозглашения не только малограмотной с точки зрения права, но и не исполнимой исходной позиции авторов о необходимости и возможности разного подхода к разделению воды, дна и недр неразделяемого Каспия, и позволило предпринимать попытки реализовать лозунг «Дно делим, вода общая», которые ничем не завершились. Соглашения о разделе дна и недр Каспия без оглядки на то, что дно и воду разделить невозможно, так и остались «бумажными» договоренностями, что подтверждается практическими действиями о разделе дна Каспия, не опирающимися на заключенные соглашения.

Но объективная неизбежность раздела Каспия при отсутствии надлежащего правового основания, каковым должно было стать установление долей каждого государства в праве общей собственности на Каспий как на природный объект, на основе согласования воле всех пяти государств породила псевдоправовое основание — двусторонние соглашения Прикаспийских стран о разделе дна и недр. Именно двусторонние соглашения стали единственным правовым регулятором отношений между Прикаспийскими государствами, на который положения Конвенции 2018 г. ссылаются во всех статьях, декларирующих порядок раздела ресурсов Каспия между его сособственниками. При этом заслуживает внимания следующее: двусторонние соглашения показали свою неэффективность как правовой инструмент решения самой острой проблемы освоения ресурсов Каспия, а именно, раздела его дна и недр, задолго до заключения Конвенции 2018, и тем не менее, вошли в Конвенцию качестве основного правового регулятора, что подтверждается нормой п. 1 ст. 8 Конвенции 2018.

Факт неэффективности заключения двусторонних соглашений по разделу дна и недр являлся общеизвестным. Таким же общеизвестным фактом является отсутствие большей части соглашений между всеми пятью Прикаспийскими странами, в том числе не только соседними, но и противолежащими. Если принять во внимание, что положения статьи 8 Конвенции 2018 г. отсылочные, что уже само по себе вносит недопустимую неопределенность в ее нормы по одному из самых острых вопросов взаимодействия Прикаспийских государств, а именно, разделу дна и недр, то очевидно, насколько неприемлемой является отсылка к правовому регулятору, неэффективность которого подтверждена правовой реальностью. А указание в части 1 статьи 8 Конвенции 2018 на то, что будущие двусторонние соглашения будут основаны на общепризнанных принципах и нормах международного права, лишь подчеркивает декларативность положений Конвенции 2018, претендующих на разрешение конкретной ключевой острой проблемы взаимодействия Прикаспийских государств. Кроме того, невозможно воздержаться от комментария части 1 статьи 8 Конвенции 2018, указывающей на цель разграничения дна и недр, как реализацию их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов. Очевидность декларативности нормы статьи в этой части не требует доказательств: реализацию неустановленных прав Прикаспийских государств на недропользование можно только провозглашать.

Псевдоправовой характер заключенных двусторонних соглашений проявляется в следующем:

- положения Соглашений 1998, 2001 и 2002 гг., как и Конвенция 2018 г., не соответствуют обоснованным выше принципам формирования правового регулятора взаимодействия Прикаспийских государств как собственников Каспия;
- положения Соглашений 1998, 2001 и 2002 гг. и Конвенции 2018 г. не корреспондируются.

Несовпадение исходных подходов формирования правового механизма деления дна и недр Каспия Конвенции 2018 и двусторонних соглашений особенно ярко демонстрируют положения Соглашения 1998 г. Что касается Соглашений 2001 г. и 2002 г., их положения, как и Соглашения 1998 г., не соответствуют обоснованным выше принципам формирования правового механизма взаимодействия Прикаспийских государств и содержат положения, не совпадающие с основными положениями Конвенции 2018.

Попытки реализации этих соглашений не решили проблему взаимодействия Прикаспийских государств по разграничению дна и недр Каспия. Невозможность разрешения проблемы разграничения дна и недр Каспия на основе двусторонних договоренностей ярче глубоких исследований подтверждается фактами правовой реальности. Одна из острых каспийских проблем — присутствие иностранных нефтяных компаний на Каспии. Чего стоит закрепленное в Конвенции 2018 г. положение о Каспии, устанавливающее, что Каспий только для Прикаспийских государств, если появившиеся на Каспии в 1994 г. с легкой руки Азербайджана иностранные нефтяные компании занимаются реальной разведкой, разработкой спорных нефтяных месторождений и накануне, и после подписания Конвенции 2018 г.? В сентябре 2017 г. Баку подписывает новое соглашение о совместной разработке спорных месторождений Азери, Чираг и Гюнешли с теми же иностранными компаниями, что и в 1997 г., позднее продленное до 2050 г. В 2020 г. между Баку и иностранными компаниями (участниками «контракта века») без согласования с Прикаспийскими государствами достигнута договоренность о строительстве дополнительной добывающей платформы на контрактной площади блока месторождений «Азери — Чираг — Гюнешли» [19].

Только пятисторонние договоренности между всеми Прикаспийскими государствами на основе единства подходов к регулированию отношений изменят нынешний вектор правового взаимодействия Прикаспийских государств («прежде нефть, затем статус») на противоположный: «прежде всего статус, затем все остальное».

Заключение

Сегодняшняя ситуация с взаимодействием Прикаспийских государств выглядит как парадоксальная. Неурегулированность правового статуса Каспия, с одной стороны, объективно определяет проблемы взаимодействия, с другой — выгодна всем Прикаспийским государствам, поскольку позволяет в условиях такой неурегулированности не согласовывать свои действия и создает видимость возможности решения проблем. Но есть основания предполагать, что и авторы Конвенции 2018 г., и подписанты не могут не понимать, что проблему установления правового статуса Каспия Конвенция 2018 г. не решила.

Остается выразить надежду на то, что правовая реальность, как самый жесткий, но объективный арбитр, укажет Прикаспийским странам на неизбежность обращения к праву, приведет к пониманию того, что любой правовой механизм может стать действенным инструментом регулирования отношений между субъектами права, если он соответствует объективным требованиям. Нормы Конвенции о правовом статусе Каспия, как и нормы любого нормативного правового акта, в том числе международного, должны содержать правила, необходимые и достаточные для достижения цели, обусловившей их появление в правовом поле, т. е. соответствовать требованиям (принципам), обеспечивающим реализацию такой цели.

В данном случае нормы Конвенции о правовом статусе Каспия должны быть сформированы в соответствии с главным их назначением: *закрепить положение Каспия как объекта прав собственников* для целей согласованного установления прав долевой собственности Прикаспийских государств на ресурсы Каспия и формирования порядка реализации установленных прав собственников на основе баланса их прав и законных интересов.

Литература

1. The Global Competitiveness Report 2017–2018 [Электронный ресурс] / Schwab K., ed. Geneva: World Economic Forum, 2018. 393 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).
2. The Global Competitiveness Report 2018 (Dataset) [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 2017-2018. URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/downloads/> (дата обращения: 15.09.2020).

3. The Global Competitiveness Report 2015-2016 [Электронный ресурс]: Competitiveness Dataset (XLS) // World Economic Forum. 2006-2016. URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/> (дата обращения: 15.09.2020).
4. Coordinated Direct Investment Survey [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5> (дата обращения: 15.09.2020).
5. Prices, Consumer Price Index, All items, Index [Электронный ресурс] // International Financial Statistics (IFS). URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B> (дата обращения: 15.09.2020).
6. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 02.09.2020).
7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна Северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12129566/> (дата обращения: 02.09.2020).
8. Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой от 29 ноября 2001 г. и Протокол к Соглашению 2001 г. от 27 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1038258#pos=0;0 (дата обращения: 02.09.2020).
9. Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3806> (дата обращения: 02.09.2020).
10. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2559141> (дата обращения: 02.09.2020).
11. Договор о торговом мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540680/> (дата обращения: 02.09.2020).
12. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. [Электронный ресурс] // Президент Азербайджанской Республики: офиц. сайт. URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvdjI2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRRLnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (дата обращения: 15.09.2020).
13. Громов А. Конфликт между Туркменией и Азербайджаном вокруг спорных месторождений на Каспии [Электронный ресурс] // Вектор-Евразия. 2016. 22 ноября. URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/35/104/> (дата обращения: 15.09.2020).
14. О государственной границе Туркменистана [Электронный ресурс]: закон Туркменистана от 4 мая 2013 г. № 389-IV // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=72299 (дата обращения: 15.09.2020).
15. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 02.09.2020).
16. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15643#0310328960917003> (дата обращения: 02.09.2020).
17. Конвенция о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15319#07975707611787737> (дата обращения: 02.09.2020).
18. Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне от 29 апреля 1958 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540247/> (дата обращения: 02.09.2020).
19. Нефтяные и газовые проекты Азербайджана. [Электронный ресурс] // Президент Азербайджанской Республики: офиц. сайт. URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/contract> (дата обращения: 15.09.2020).

References

1. Schwab K., ed. The global competitiveness report 2017-2018. Geneva: World Economic Forum; 2018. 393 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (accessed on 15.09.2020).
2. The Global Competitiveness Report 2018 (Dataset). World Economic Forum. 2017-2018. URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/downloads/> (accessed on: 15.09.2020).
3. The Global Competitiveness Report 2015-2016: Competitiveness Dataset (XLS). World Economic Forum. 2006-2016. URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/> (accessed on: 15.09.2020).
4. Coordinated direct investment survey (CDIS). International Monetary Fund. URL: <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5> (accessed on 15.09.2020).

5. Prices, consumer price index, All items, Index. International Financial Statistics (IFS). URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B> (accessed on 15.09.2020).
6. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. Administration of the President of Russia. Aug. 12, 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
7. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the delimitation of the bottom of the Northern part of the Caspian Sea in order to exercise sovereign rights to subsoil use. Moscow, July 06, 1998. URL: <https://base.garant.ru/12129566/> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
8. Agreement between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Azerbaijan on delimitation of the bottom of the Caspian Sea between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Azerbaijan dated November 29, 2001 and the Protocol to the 2001 Agreement dated February 27, 2003. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1038258#pos=0;0 (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
9. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan on the delimitation of adjacent sections of the seabed of the Caspian Sea. Administration of the President of Russia. Sept. 23, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3806> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
10. Treaty between the Russian Socialist Federative Soviet Republic and Persia. Moscow, Feb. 26, 1921. URL: <https://base.garant.ru/2559141> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
11. Merchant shipping treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and Iran. Tehran, Mar. 25, 1940. URL: <https://base.garant.ru/2540680/> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
12. Constitution of the Republic of Azerbaijan of Nov. 12, 1995. URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvbW8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdX BkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (accessed on 15.09.2020). (In Russ.).
13. Gromov A. Conflict between Turkmenistan and Azerbaijan over disputed fields in the Caspian. Vektor-Evraziya. Nov. 22, 2016. URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/35/104/> (accessed on 15.09.2020). (In Russ.).
14. On the state border of Turkmenistan. Law of Turkmenistan dated May 4, 2013 No. 389-IV. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=72299 (accessed on 15.09.2020). (In Russ.).
15. United Nations Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
16. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes of March 17, 1992. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15643#0310328960917003> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
17. Convention on the Continental Shelf of April 29, 1958. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15319#07975707611787737> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
18. Convention on the Territorial Sea and Contiguous Zone. Geneva, April 29, 1958. URL: <https://base.garant.ru/2540247/> (accessed on 02.09.2020). (In Russ.).
19. Oil and gas projects of Azerbaijan. Official website of the President of the Republic of Azerbaijan. URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/contract> (accessed on 15.09.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах

Зембатова Бэла Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра международных финансов

Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России

127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, Россия

(✉) e-mail: bella_zematova@mail.ru

Яковлев Игорь Алексеевич

кандидат экономических наук, руководитель Центра международных финансов

Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России

127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, Россия

(✉) e-mail: iyakovlev@nifi.ru

Поступила в редакцию 21.09.2020

Подписана в печать 14.10.2020

Information about Authors

Bela V. Zematova

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for International Finance

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

3, Bld. 2, Nastas'inskiy Lane, Moscow, 127006, Russia

(✉) e-mail: bella_zematova@mail.ru

Igor A. Yakovlev

Ph.D. in Economics, Head of the Center for International Finance

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

3, Bld. 2, Nastas'inskiy Lane, Moscow, 127006, Russia

(✉) e-mail: iyakovlev@nifi.ru

Received 21.09.2020

Accepted 14.10.2020